

В комнате раздался чужой голос, явно не принадлежавший Хан Сиэню. Дежурившие за дверью стражники мгновенно подобрались. Один из них торопливо шагнул вперед и постучал в створку.

— Наследник, всё в порядке?

Личная охрана упрямо именовала его наследником. Пусть император и пожаловал ему звание императорского инспектора, никто из подчиненных не спешил величать его господином уполномоченным. Для них чиновничий ранг блёк перед весомым, внушающим трепет титулом наследника маркиза.

В комнате повисла тишина. Стражник уже потянулся к рукояти, готовый высадить дверь, когда изнутри неторопливо донеслось:

— Всё в порядке. Ступайте.

Охранник в замешательстве качнул головой. То ли ему почудилось, то ли голос Хан Сиэня на этот раз прозвучал как-то слишком звонко и чисто. Мысленно отмахнувшись от подозрений, он негромко отозвался: «Слушаюсь», — и увёл патруль дальше по коридору.

Только услышав ответ Хан Сиэня, Бай Шу наконец осознал всю двусмысленность своего положения. Он застыл на месте, растерянно ловя взгляд юноши.

Маска Хан Сиэня покачивалась на поверхности воды, обнажая его лицо. Бай Шу и раньше знал, что тот поразительно красив. Даже в те безрадостные годы, когда болезнь иссушала его тело, а кожа отливала нездоровой желтизной, благородная утонченность сквозила в каждой его черте. Теперь же, избавившись от недуга, он предстал во всем великолепии — куда лучше, чем Бай Шу мог себе вообразить. Статный, точно яшмовое дерево, с тонкими, изысканными чертами. В изломе бровей сквозило холодное высокомерие, а скрытое прозрачной толщей воды тело, хоть и казалось хрупким, хранило сухую, тренированную силу.

Тело в воде...

Стоило Бай Шу сообразить, куда именно прикован его взгляд, как щёки его мгновенно вспыхнули пунцовым румянцем.

Смутившись, он поспешно отвёл взгляд и принялся неловко шарить за пазухой. Спустя мгновение он вытащил толстый, с добрую редьку, корень женьшеня, на тонких отростках которого всё ещё темнели комья влажной земли.

— Это... я прослышал, что у тебя нелады со здоровьем, — поспешно, путаясь в словах, заговорил Бай Шу, протягивая добычу. — Вот и решил... решил тебе принести. Стоял под окном, прислушивался — тишина. Подумал, ты спишь уже, а тут оказывается... ты это...

моешься.

Заметив, что Хан Сиэнь неотрывно смотрит на корень в его ладони, Бай Шу смущённо поскрёб затылок.

— Маловат, конечно, — удручённо вздохнул он. — Я излазил все склоны, но лучше ничего не нашёл. Ты только... не брезгуй, ладно?

Хан Сиэнь перевёл взгляд с огромного корня на подол гостя. Тот был весь помят и перепачкан подсохшей грязью. Вспомнив, сколько подобных редкостей пылится без дела в его столичных кладовых, он опустил ресницы.

— Столько лет прошло, а ты всё так же лазаешь по чужим окнам, — ровным голосом произнес он. — Похоже, армейский устав тебе не указ.

Несмотря на холодный и бесстрастный тон, Бай Шу нутром почуял: хозяин комнаты не сердится. Он немного помолчал и признался как есть:

— Да я просто привык так с тобой водиться ещё в столице. Теперь-то ты важная птица, просто так к тебе не напроситься. Благо хоть кулаками махать умею — разузнал, где тебя поселили, и пришёл.

Хан Сиэнь шумно выдохнул. На душе у него скребли кошки. Честно говоря, ещё днём, завидев среди встречающих Бай Вэньханя, он ощутил острые уколы досады. Стоило им пересечься взглядами, как в разуме генерала поднялась буря противоречивых мыслей. Опасения Бай Вэньханя лились сплошным потоком, и большая их часть касалась будущего его младшего брата. Тот всерьёз страшился, что Бай Шу увязнет в трясине по имени Хан Сиэнь и погубит себя.

Внешне генерал держался безупречно, однако Хан Сиэнь, наделённый своим проклятым даром, отчётливо улавливал сквозившее в чужих мыслях глухое отчаяние. Потому-то днём, отвечая Чжоу Жаню, он не удержался от злой иронии — за честными словами крылась затаённая обида. В прошлом Бай Шу никогда ничего не скрывал: что на уме, то и на языке. Хан Сиэнь ума не мог приложить, что за эти три года заставило его старшего брата так отчаянно за него бояться.

К счастью, теперь, встретившись вновь, он видел, что помыслы Бай Шу остались прежними — чистая, незамутнённая радость и ничего больше.

Хан Сиэнь шевельнул ладонью, взволновав остывающую воду, и, почувствовав, что она уже едва теплая, посмотрел на застывшего гостя.

— Вода остыла, — негромко произнёс он.

Бай Шу моргнул, перевёл взгляд на бочку и лишь спустя секунду сообразил, на что ему намекают.

— А... я... я за ширмой подожду! — торопливо выпалил он и пулей метнулся вглубь комнаты, скрываясь за резным деревом.

Проводив его взглядом, Хан Сиэнь поднялся из купели, насухо обтёрся мягким полотенцем и быстро набросил чистые одежды. Затянув на поясе широкую яшмовую пряжку, он неторопливо шагнул за ширму.

Бай Шу понуро стоял возле круглого табурета, мысленно обзывая себя последними словами за непроходимую глупость. Принесённый корень он сиротливо примостил на краю стола.

Хан Сиэнь устроился напротив. Положив уродливую маску на лакированное дерево, он неторопливо налил себе остывшего чая и сделал глоток.

— В армии устав суров. Не боишься плетей за самовольную отлучку?

— Обойдётся, — простодушно отмахнулся Бай Шу. — Я ведь служу в полку у брата. На учениях пашу как проклятый и из лагеря носа не казую. Я же понимаю, что брат за меня радует, и повода обвинить его в кумовстве никому не дам.

Тут взгляд его упал на мокрые, тяжёлые пряди, рассыпавшиеся по плечам собеседника.

— Тебе нельзя простужаться с твоей-то хворью, — спохватился он. — Давай я высушу.

Не дожидаясь согласия, Бай Шу зашёл со спины и осторожно перехватил влажные волосы. Слегка сосредоточившись, он пустил по ладоням тёплые потоки внутренней силы.

Ощувив близость Бай Шу, Хан Сиэнь невольно вздрогнул. Пальцы, державшие пиалу, дрогнули, и несколько капель обжигающего чая плеснули на тыльную сторону ладони, оставив на бледной коже пунцовый след. Однако стоило ровному, мягкому теплу чужой духовной силы потечь от корней волос по шее и плечам, согревая озябшее после купания тело, как он замер, отказавшись от мысли отстраниться.

Чистая ци творила чудеса: за считанные мгновения пряди сделались сухими и шелковистыми. Заодно Бай Шу просушил и воротник халата, успевший напитаться влагой.

Довольный своей работой, Бай Шу шутливо взъерошил мягкие локоны и расплылся в улыбке:

— Ну вот, порядок! Тебе ещё на пир сегодня идти, так что я побежал. Выкрою минутку — загляну снова.

С этими словами он бесшумно скользнул к окну и в мгновение ока растворился в сумерках.

Хан Сиэнь так и остался сидеть в полной неподвижности. Его плечи были неестественно напряжены. Лишь спустя добрую четверть часа он медленно опустил пиалу на стол. В дрожащем отражении чайного настоя метались блики свечей, бросая беспокойные тени на его лицо.

Он вдруг поймал себя на мысли, что уже очень давно никого не подпускал к себе так близко. В его поместье хватало челяди и служанок, однако прикасаться к себе он позволял лишь лекарям при перевязках. О том, чтобы позволить постороннему расчёсывать свои волосы или поправлять платье, не могло быть и речи.

Тепло, исходившее от ладоней Бай Шу, казалось, просочилось сквозь кожу к самому сердцу. Это непривычное, живое ощущение тревожило и рождало глухой протест.

Наследник нахмурился, его взгляд заledenел.

«Пожалуй, мне стоит держаться от него подальше», — отрешённо подумал он.

«Так будет лучше для всех. И у его брата пропадёт повод выискивать скрытые мотивы там, где их нет».

Бай Шу, разумеется, и не догадывался о смятении в душе друга. Он не стал скакать по крышам, а просто припустил трусцой к своему двору. Поскольку великий генерал Лю Хучэн давал пир прямо в Заставе Небесных Врат, Бай Вэньханю и прочим офицерам дозволили дожждаться назначенного часа дома.

Едва завидев сияющее лицо воротившегося брата, генерал Бай сразу понял, откуда тот держит путь. В груди его поднялся тяжёлый вздох. Он прекрасно понимал, что не сможет удержать глупого мальчишку от встреч с наследником, но всё же сознательно не взял его сегодня на торжественную встречу у ворот заставы. Он и сам толком не знал, какая польза от подобных ухищрений, но бездействие терзало его ещё сильнее.

Бай Шу весело кивнул брату. Бай Вэньханю оставалось лишь безропотно взирать на эту безмятежную улыбку. Про себя он отметил, что младший, пусть и не блистал изысканной столичной красотой, всё же вырос статным и ладным юношей с открытым, притягательным лицом.

Жаль только, разобрался в людях из рук вон плохо.

При воспоминании о скрытом под маской Хан Сиэне у генерала заныли виски.

— Виделся с ним? — спросил он.

Бай Шу коротко кивнул.

— И о чём же вы толковали?

— Да ни о чём особенном, — бесхитростно пожал плечами младший. — Он как раз в купели сидел, когда я пришёл.

— В купели?! — Бай Вэньхань поперхнулся воздухом и уставился на брата округлившимися глазами. Внутри у него всё закипело от бессильной ярости.

Не заметив грозы, сгустившейся над головой родственника, Бай Шу безмятежно добавил:

— Хорошо хоть, при всех он маску носит.

Бай Вэньхань даже не стал вникать в смысл этих слов. Его голос заледенел:

— Хан Сиэнь — императорский инспектор, присланный лично владыкой. Он пользуется безграничным доверием во дворце. А мы для престола — бельмо на глазу. Если ты продолжишь виться вокруг него, наши имена то и дело будут долетать до ушей императора. Каждое упоминание заставит его величество вспоминать о прошлом, а эти воспоминания не сулят нам ничего хорошего. Ты хоть понимаешь, чем это грозит?

Бай Шу понурился:

— Понимаю.

Генерал угрюмо процедил сквозь зубы ругательство. Ему не хотелось ранить брата суровой правдой жизни, но без этого горького лекарства тот так и остался бы слепым котёнком, неспособным оценить всю опасность связи с наследником. Ни семейные тайны прошлого, ни личные склонности молодого человека не внушали доверия. Связываться с ним было чистым безумием.

— Но ведь я прихожу к нему тайно, когда никто не видит, — негромко возразил Бай Шу. — Моих навыков хватит, чтобы проскочить мимо любой стражи. Откуда императору узнать?

Этот тихий, упрямый довод заставил Бай Вэньханя осечься. Он поднял взгляд и столкнулся с чистыми, не по-детски пронизательными глазами брата. Все заготовленные нотации застряли у него в горле.

Грудь генерала тяжело вздымалась от ярости. Не выдержав, он схватил со стола глиняную пиалу и швырнул в брата. Расчёт был точен: посудина пролетела в волоске от уха юноши и со звоном разлетелась вдребезги о стену позади него.

Трактир «Благоухание»

Трактир «Благоухание» считался лучшим заведением в округе на добрую сотню ли вокруг. Цены здесь кусались немилосердно: за один приличный обед заезжий купец мог оставить сумму, равную месячному жалованью простого ратника. Местные дозорные обходили это место стороной, зато зажиточные господа стекались сюда со всей округи.

Однако сегодня среди гостей не было ни одного торговца. Великий генерал Лю Хучэн выкупил все три яруса заведения под корень. Посмей заикнуться о подобном кто-то другой, хозяин бы только посмеялся, но отказать командующему гарнизоном не решился бы никто. Впрочем, генерал Лю не привык обижать простых людей и щедро оплатил аренду из личных средств.

Когда Хан Сиэнь и пятый принц Цзи Хуай переступили порог, разговоры в зале разом утихли. Все взгляды обратились к вошедшим. Собравшиеся офицеры красовались в тяжёлых парадных доспехах, являя собой образец сурового воинства. Пятый принц, прекрасно разбиравшийся в нравах пограничья, облачился в кафтан неброского стального оттенка, почти сливавшийся по цвету с боевой бронёй.

Хан Сиэнь же, напротив, выбрал роскошный серебристо-белый халат из плотной парчи, расшитый золотым узором. Его праздничный наряд резко контрастировал с общим фоном, приковывая всеобщее внимание. Наследник шёл небрежной, ленивой походкой. Для пира он сменил глухую маску на другую — приоткрывавшую губы, но столь же отталкивающую и грубую. Это чудовищное забрало никак не сочеталось с изысканным великолепием его одеяния.

Сидевший по левую руку от командующего заместитель Чжоу Жань презрительно усмехнулся про себя.

«Чем уродливее рожа, тем краше шёлка. Истину говорят: убогий всегда тщится казаться павлином».

Великий генерал Лю Хучэн не выдал своих мыслей ни единым жестом. Он почтительно усадил высоких гостей во главе стола, после чего подал знак к началу пиршества.

Поначалу суровые вояки чувствовали себя не в своей тарелке, однако стоило пятому принцу завести непринуждённый разговор о былых пограничных походах и курьёзах, как лёд тронулся. Вскоре самые смелые из офицеров уже вовсю чокались с его высочеством.

Жизнь на рубежах трудна, и развлечений у защитников немного. Пили здесь не из крошечных пиал, а из широких глиняных чаш. Осушить такую залпом, не поморщившись, считалось высшим проявлением молодецкой удали, заслуживающим искреннего уважения. Цзи Хуай, прекрасно знавший эту слабость ратников, велел подать себе такую же чашу вместо изящного кубка. Этот жест вызвал бурю одобрительных возгласов по всему залу.

Хан Сиэнь тем временем чинно пережёвывал закуски, игнорируя кувшины с хмельным. Никто из присутствующих, разумеется, не осмеливался навязывать ему тосты.

Осушив два кубка, Чжоу Жань покосился на нетронутую пиалу Хан Сиэня и прищурился. Дневное пренебрежение столичного выскочки всё ещё жгло его самолюбие. Заместитель командующего не привык терпеть подобные обиды. Наполнив чашу до краёв, он поднялся со своего места и тяжёлой поступью направился к столу инспектора.

— Наследник Хан, — развязно заговорил он, умышленно упирая на титул, а не на высокую должность гостя. — Днём я допустил оплошность по незнанию. Позвольте же мне искупить вину этой чашей. А вы уж пейте, сколько душа пожелает.

С этими словами он выразительно посмотрел на сиротливо пустующую чарку Хан Сиэня, а затем запрокинул голову и махом осушил свою чашу. Сидевшие неподалёку приятели Чжоу Жаня из числа офицеров тут же одобрительно взвыли и принялись неистово хлопать в ладоши.

Шум стих. Все затаили дыхание, уставившись на Хан Сиэня, который как раз неторопливо отправлял в рот хрустящие древесные грибы. Юноша отложил палочки и не спеша поднял взгляд на стоявшего перед ним вояку.

Хотя наследник сидел, а заместитель высился над ним, во взгляде Хан Сиэня сквозило такое непомерное превосходство, будто он взирал на собеседника с высоты императорского трона. Цзи Хуай, затаив дыхание, ждал бури. Зная крутой и неуступчивый нрав своего спутника, принц не сомневался, что тот сейчас просто пошлёт наглого вояку к чертям. Цзи Хуай едва сдерживал ухмылку, предвкушая знатную потасовку.

Но вопреки всем ожиданиям Хан Сиэнь протянул тонкие бледные пальцы к кубку. Из-под маски донёсся его тихий, с вкрадчивой хрипотцой голос:

— Моё здоровье оставляет желать лучшего, однако раз уж заместитель командующего лично снизошёл до извинений, негоже пренебрегать его радушием. Я выпью.

Он медленно, глоток за глотком, опустошил кубок. Алкоголь мгновенно окрасил его приоткрытые губы в ярко-алый цвет. Опустив кубок на стол, наследник глухо закашлялся, прижав ладонь к груди, но быстро справился с приступом.

Повисло неловкое молчание. Ни Цзи Хуай, ни Чжоу Жань не ожидали от него такой покладистости, и запал у обоих разом иссяк. Натянув на лицо фальшивую улыбку, Чжоу Жань

громогласно расхохотался:

— О, да у наследника Хана недюжинный характер! Моё почтение!

Тон его соратников так и сочился ядом, но Хан Сиэнь лишь скромно опустил веки, а уголки его покрасневших губ дрогнули в едва заметной, почти застенчивой улыбке.

От этого зрелища у Чжоу Жаня по спине пробежали мурашки. Он в недоумении шумно выдохнул и принялся оглядывать зал, пока его блуждающий взор не зацепился за фигуру Бая Вэньхана.

В голове заместителя тут же созрел каверзный план. В былые времена Бай Вэньхань гремел на все рубежи как доблестный полководец. Оказавшись в ссылке, он держался тише воды ниже травы, начисто лишившись прежней спеси, к тому же пользовался явным покровительством великого генерала Лю. Чжоу Жань до сих пор не трогал его, рассуждая, что все они делают тяготы службы на благо Поднебесной. Но сейчас, уязвлённый покладистостью инспектора, он решил зайти с другой стороны.

— Генерал Бай! — Чжоу Жань приторно улыбнулся опальному воину. — Ах, простите, какой же вы теперь генерал... тысяцкий Бай! Помнится, в столице вы вели тесную дружбу с наследником Ханом. Раз уж вы старые знакомые, что же вы сидите в углу? Неужто не поднимете чарку за здоровье дорогого гостя?

Лю Хучэн, до этого молча наблюдавший за пикировкой, мгновенно помрачнел. Его брови сошлись у переносицы.

Каким бы суровым ни было наказание двора, Бай Вэньхань оставался легендарным полководцем, за чьей спиной стояли великие победы. Намеренно уколоть его нынешним скромным званием тысяцкого перед лицом подчинённых и столичного инспектора было низко. Чжоу Жань не просто предлагал тост — он отдавал приказ младшему по званию, стремясь прилюдно растоптать остатки чужого достоинства.

Однако лицо Бая Вэньхана не дрогнуло. Он спокойно поднялся со своего места и ровным голосом ответил:

— Заместитель командующего совершенно прав. Мне и впрямь надлежит выразить почтение наследнику Хану.

<http://bllate.org/book/20088/2002075>